

Если я забуду тебя, Иерусалим, —
забудь меня, десница моя.

Псалом 136:5

Книга посвящается Иерусалиму —
моей подлинной родине, где я провела
большую часть жизни

Введение

Русские идейные корни еврейского Просвещения и литературы на иврите

Стилистическое и композиционное сходство литературы на иврите с русской и европейской литературами рассмотрено в целом ряде исследований, однако работ, где речь идет об идейном сходстве литератур еврейского Просвещения и на иврите с русской и европейской литературами, довольно мало. В этой книге впервые раскрыто идейное влияние русской мысли последней четверти XIX и первой четверти XX века на еврейскую интеллигенцию Российской империи, равно как и отражение этого влияния в литературе еврейского Просвещения, а впоследствии — и в литературе на иврите. До сих пор считалось, что литература еврейского Просвещения и литература на иврите ограничились тем, что впитали внешние, но не исконные элементы русской культуры, такие как поэтический стиль литературных произведений, литературные жанры, полемические приемы. В этой книге выявлено, какие именно концептуальные представления восприняли еврейские мыслители и писатели, знакомые с русской философией и литературой. Я привожу примеры из произведений И. Д. Берковица¹, Й. Х. Бренера²,

¹ Исаак Дов Берковиц (1885–1967) — писатель, родившийся в России и творивший на иврите; переводчик с идиша на иврит.

² Йосеф Хаим Бренер (1881–1921) — уроженец Российской империи; поэт и публицист, писавший на иврите; один из основателей современной литературы на иврите.

Х. Н. Бялика³, Н. Г. Вессели⁴, Й. Л. Гордона⁵, Й. Л. Пинскера⁶, П. Смоленскина⁷, Х. Хазаза⁸, Я. Штейнберга⁹.

Книга состоит из двух частей. Первая носит название «Русские корни национальных идей еврейского Просвещения и сионистского движения в Российской империи». В ней идет речь о концепции национальной идентичности как таковой и ее трактовке в различных интеллектуальных и общественных кругах Восточной Европы начиная с середины XIX века. В этот период в разных частях Восточной Европы развивалось национальное самосознание, возникали движения за национальное освобождение. У еврейского Просвещения было много общих духовных свойств с аналогичными движениями в России и Восточной Европе, участники которых тоже занимались поисками своей националь-

³ Хаим Нахман Бялик (1873–1934) — еврейский поэт, писатель, эссеист, переводчик и редактор; писал на иврите и идише; стал одним из основоположников современной поэзии на иврите.

⁴ Нафтали Герц Вессели (Гартвиг, 1725–1805) — еврейский поэт, филолог, переводчик, один из крупнейших деятелей Хаскалы и возрождения иврита, автор экзегез.

⁵ Йегуда Лейб Гордон (1830–1892) — один из самых значительных поэтов, писавших на иврите, и публицистов Хаскалы (еврейского Просвещения); сыграл ведущую роль в возрождении еврейского языка и культуры.

⁶ Йехуда Лейб Пинскер (1821–1891) — русский еврей, врач, один из первых деятелей сионистского движения, основатель и лидер партии Ховевей Цион (Хибат Цион); автор знаменитого памфлета «Автоэмансипация», вышедшего с подзаголовком «Предупреждение соотечественникам от русского еврея» («Mahnruf an seine Stammgenossen, von einem russischen Juden», 1882), в котором Пинскер призывает евреев бороться за независимость и укрепление национального самосознания.

⁷ Перец Смоленский (1842–1885) — публицист-сионист, писавший на иврите в России, активный сторонник еврейского национализма; проявлял большой интерес к планам колонизации Палестины; его журнал на иврите «Рассвет» («Ха-Шахар») пользовался значительным влиянием в соответствующих кругах.

⁸ Хаим Хазаз (1898–1973) — уроженец Украины; поэт и публицист, писавший на иврите.

⁹ Яков Штейнберг (1887–1947) — уроженец Украины; поэт и писатель, творивший на иврите. В литературе на иврите присутствует множество иных примеров русского влияния, не упомянутых в этой книге, см. [Miron 1997].

ной идентичности. В четырех главах этой части книги показано, что между подходами к национальным вопросам представителей еврейского Просвещения и русских националистических движений существуют четкие идейные параллели.

Вторая часть называется «Русское идейное влияние в художественных произведениях на иврите». Авторы, писавшие на иврите, с величайшим уважением относились к своей религии. Для них иудаизм был той скалой, из которой их всех высекли и отходить от которой им строго запрещалось. Если авторы других литератур занимались поисками «праведного Бога» в соответствии с собственным мировоззрением, рассуждали о том, существует ли Бог на самом деле, и о том, что он собой представляет, писатели-евреи сторонились подобных вопросов. Для еврейских литераторов ответы на эти и все прочие потенциальные теологические вопросы уже имелись в традиционной еврейской религиозной литературе. Они считали неуместным покушаться на святое и заниматься подобной ересью.

С одной стороны, еврейские мыслители и писатели стремились хранить верность еврейской религии и не могли (да и не хотели), по эмоциональным причинам, от нее отрываться; с другой — они учились у русских мыслителей и литераторов и пытались им подражать. Их тянуло на чужие пастбища, они хотели сочинять книги высокой нравственной и интеллектуальной ценности, какие существовали в иностранных литературах, в особенности в русской, именно поэтому в их отношении к иудаизму присутствовала определенная амбивалентность. Приверженность еврейской религии и традиции мешала еврейским писателям использовать идеи и приемы, существовавшие в других литературах. Когда писатели-евреи писали об иудаизме, речь, как правило, шла о фрейдистских отношениях. С одной стороны, приверженность еврейской религии мешала им создать такую же литературу, как у других народов; с другой — именно по причине своей преданности еврейской религии они создали совершенно особенную, самобытную еврейскую литературу.

Как показано в первой главе этой части книги, «Русский богословский роман и его идеологическое воспроизведение в лите-

ратуре на иврите», еврейские писатели создавали свою национальную литературу, отдавая предпочтение не религии, а иным сферам. Если авторы русских романов занимались богоискательством, авторы современной литературы на иврите ставили перед собой стратегические и тактические цели в личном, культурном, общественном или национальном ключе, не вдаваясь в теологию. Я обоснованно показываю, что в рамках литературы на иврите, глубоко фундированной в еврейскую традицию, нет места для богословского романа в том виде, в каком он существовал в русской литературе. Вместо этого развитие получил идеологический роман. Он стремительно рос и получил широкое признание.

Во второй главе второй части книги — она носит название «Поэма “Песни славы” Н. Г. Вессели» — приведены многочисленные примеры заимствований из иностранных литератур. В этой главе я показываю, что поэма представляет собой запутанное и непоследовательное смешение разных жанров и стилей, так что в результате, вопреки авторскому замыслу, возникает пародийный эффект. В то же время автору присущи безупречная верность еврейской традиции и религиозный пыл, что в этой эпической поэме выглядит гротескно.

В качестве вывода можно сказать, что русская философия и русское богословие оказали огромное влияние на мыслителей Хаскалы (еврейского Просвещения), а также на писателей этого периода и на авторов более поздних произведений на иврите, даже если они не сознавали этого. Они впитали идейные составляющие русской литературы и включили их в свои произведения на иврите.

Часть I

.....

РУССКИЕ КОРНИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕЙ ЕВРЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: Э. БЕН-ЙЕХУДА, Й. Л. ГОРДОН, Й. Л. ПИНСКЕР, П. СМОЛЕНСКИН

.....

Глава 1

Истоки национальных идей Хаскалы в Российской империи

1.1. Введение

В этой главе речь пойдет об истоках пробуждения национального самосознания в Восточной Европе. Будет рассмотрено понятие национальной идентичности и то, как начиная с середины XIX века его принято было трактовать в различных интеллектуальных и общественных кругах Восточной Европы. В этот период представление о национальном самосознании развивалось в разных государствах и областях Восточной Европы, благодаря чему начали возникать движения за национальное освобождение [Kozik 1986: 6–9].

1.2. Зарождение национальных движений в Восточной Европе и Российской империи

Начиная с середины XIX века у многих народов, в особенности у многочисленных этнических меньшинств, проживавших на территории Восточной Европы, начали формироваться представления о собственной уникальной национальной идентичности. На фоне теоретических обсуждений предпринимались попытки применить идеи политической и культурной автономии и на практике. Вопрос о национальной идентичности приобрел новое значение для основных интеллектуальных и социальных групп,

что вывело это понятие на первый план в сравнении с другими ценностями, такими как религия и связанные с ней институты, монархия, традиции и искусство, каковые раньше в этих обществах располагались на самом верху иерархии ценностей. Эти ценности перестали считаться абсолютными и первичными критериями оценки духовной и общественной жизни, были пересмотрены и переосмыслены с националистической точки зрения. Хотя воплощение этих настроений в жизнь в рамках четко сформулированной теории национальной идентичности в разных этнических группах осуществлялось по-разному, само по себе это явление с его принципами наблюдалось у большинства групп. Речь пойдет о националистических тенденциях в России в последней четверти XIX и первой четверти XX века, каковые стали фоном для развития аналогичных тенденций в еврейском обществе и еврейской культуре.

Пробуждение интереса к уникальной русской национальной идентичности нашло яркое воплощение в русской журналистике XIX века. Первые ростки идей, связанных с русской национальной идентичностью, появились еще до периода романтизма, однако их развитие стало заметно лишь позднее, в эпоху романтизма в Европе (в конце XVIII века и позже). Эти идеи нашли отражение как в литературе, так и в других сферах общественной мысли и философии. Романтики заложили основы изучения культур отдельных народов и тем самым проложили путь к формированию общепринятых представлений о национальной идентичности. Кроме того, время от времени они заявляли о собственной национальной уникальности и пропагандировали идею национального освобождения. Зарождение европейских движений за национальное освобождение было тесно связано с распространением идей романтизма.

Развитие идей, заложенных в период романтизма, получило новый толчок в рамках национальных движений в России и Восточной Европе. Стремление подчеркивать уникальность культур разных народов и этносов и тем самым утверждать уникальность и самостоятельность различных этнических групп естественным образом привело к становлению нового восприятия националь-

ной и этнической истории и фольклора как ценных источников национальной культуры [Litvak 2012].

В рамках такого подхода судьбы и действия каждой нации наделяются особой самобытностью [Kozik 1986: 3–6]. Составляющие культуры: философия, словесность, журналистика — были признаны добавочными источниками изучения «духа народа». Появилось представление о том, что прогресс и достижения любого народа в различных областях тесно связаны с осознанием им собственной уникальной национальной идентичности.

Существует два аспекта изучения национальной идентичности: социально-классовый и исторический. В рамках первого низшие классы воспринимались как хранители национальной самобытности. В историческом разрезе прошлое трактовалось как период расцвета уникального национального духа и его воплощение [Там же: 9, 30].

Интерес к национальной идентичности в широких слоях российского населения зародился после нашествия и поражения Наполеона в 1812 году. Именно после Наполеоновских войн в русской литературе возник отчетливый интерес к идеологическому процессу поиска истоков русской национальной идентичности [Kann, Zdenek 1984: 201, 213–214, 250, 364].

1.3. Национальные идеи после Наполеоновских войн в Европе и России

После Наполеоновских войн российская интеллигенция оказалась под сильным влиянием немецкой идеалистической философии, которой суждено было оставить свой след во всех слоях российского общества. Г. Гегель и Ф. Шеллинг были в глазах российских интеллигентов важнейшими мыслителями, «властителями дум». Их взгляды сильно разнились, они оказали влияние на два разных направления мысли в кругах российской интеллигенции. Впоследствии Шеллинг дистанцировался от рационалистического подхода, предпочтя ему «божественное откровение», то есть философско-мистическое осмысление религии. В этой связи он резко критиковал идеи Гегеля за их избыточный рацио-

нализм, обвинял его в легитимизации рационалистического подхода [Песков 1994а: 89–100].

Мировоззрение этих двух мыслителей легло в основу двух главных направлений русской мысли: западничества и славянофильства. В глазах западников Гегель был символом истины и прогресса [Анненков 1983: 76–77], тогда как другие представители русской интеллигенции обратились к Шеллингу, под влиянием которого сформировалось славянофильство. Более того, они усмотрели в его учении подкрепление правоты своих идей о необходимости идеологического разрыва с Европой. В частности, из размышлений Шеллинга они вывели представление о том, что у каждого народа есть миссия и судьба, predetermined божественной волей, и что только это является причиной и смыслом его существования [Гулыга 1982: 298–300].

Основываясь на немецкой модели, молодые русские интеллектуалы стремились сформировать собственную философию и свое мистическое учение. Они видели себя будущими преобразователями русской культуры и творцами русской мысли [Песков 1994а: 92]. Их задача состояла в том, чтобы разработать принципиально новую систему общих ценностей, которые все будут готовы признать абсолютными, непреходящими, нерушимыми и долговечными. Таковые следовало дополнить тем, что эти интеллектуалы считали традиционными ценностями русской национальной идентичности, тогда будет изменен существующий миропорядок, не укорененный в глубинах русского национального самосознания.

Споры о природе русского народа с акцентом на его уникальные свойства были частью тогдашнего интенсивного процесса нарастания интереса к вопросу национальной идентичности, что в большой степени следует приписать интеллектуальному влиянию западных философских идей, проникших в Россию из Европы. Иными словами, процесс поиска национальных корней в России стал частью общего процесса, который шел во всей Восточной Европе и со временем привел к возникновению и укреплению национально-освободительных движений [Бердяев 1912: 7–10].

1.4. Любомудры

Вышеописанный процесс, в отличие от его западных аналогов, выделялся крайним индивидуализмом в трактовке русской национальной идентичности. В России этот процесс начался с возникновения кружка, известного как Общество любомудрия (любомудры), во главе которого стоял князь В. Ф. Одоевский. Члены этого кружка стали предтечами как западников, так и славянофилов. Начиная с 1820-х годов в обществе обсуждались вопросы, связанные с уникальностью России, смыслом ее существования, задачами русского народа в свете всемирной исторической ситуации. Эти идеи зародились ранее в кругах молодых русских писателей и интеллектуалов, находившихся под влиянием романтизма.

Кружок ставил перед собой патриотическую задачу — принести России практическую пользу. Д. В. Веневитинов¹, один из руководителей Общества любомудрия, определял предназначение каждого гражданина России как желание «действовать во благо России неутомленно». Любомудры называли такой подход путем самопознания, который считали уникальным для каждого народа. В этом прослеживается мышление Шеллинга, влияние которого на кружок было сильным. Путь самопознания представлялся им целью всего человечества, одним из способов распространения идей Просвещения [Веневитинов 1980: 232–234].

Уже в самом начале своего пути любомудры приняли за данность, что процесс самопознания в России отличается от такового в других странах. Основные идеи русского Просвещения и философии в период до возникновения Общества любомудрия заимствовались у других европейских народов. Сильный толчок их развитию дали проевропейские реформы Петра I². Любомуд-

¹ Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805–1827) — русский поэт-романтик, скончавшийся в возрасте 21 года. Веневитинов, как и его друзья, был одним из тех молодых идеалистов, которые принесли в Россию культ Гете и метафизику Шеллинга; см. [Веневитинов 1980: 129].

² Петр I (Великий, 1672–1725, годы правления: 1682–1725) — один из самых крупных российских лидеров за всю историю существования государства.

ры считали, что процесс самопознания русского народа искажен внешним влиянием, поскольку, вместо того чтобы изучать собственную культуру, русские повернулись к ней спиной и стали копировать европейский образ жизни. Любомудры считали, что необходимо изменить курс развития русского Просвещения и вернуться к исконно русским корням, чтобы «характер народа развился бы собственной своей силою и принял бы направление самобытное, ему свойственное» [Там же: 129].

1.5. Движение славянофилов, русская душа, А. С. Хомяков

Доктрина любомудров стала, по сути, первой свободной от подражаний русской идеологией, которую и взяло за основу движение славянофилов [Бердяев 1912: 2–6]. Хотя в рамках славянофильства объединились самые разные и достаточно разнородные тенденции, общим для него было представление об уникальном пути России. Такое мнение высказывалось во множестве публикаций из области философии и религии, которые создавались в противовес немецкой философии, каковая считалась чуждой по образу мысли, хотя на самом деле многие свои идеи славянофилы заимствовали как раз из нее. Это отчетливо видно в работах таких русских мыслителей, признанных лидеров движения славянофилов, как братья Аксаковы³, И. В. Киреевский⁴, Ю. Ф. Самарин⁵, А. С. Хомяков и С. П. Шевырев⁶.

³ Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) — русский писатель, один из основателей движения славянофилов; Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860) — русский публицист, поэт, литературный критик, идеолог славянофильства.

⁴ Иван Васильевич Киреевский (1806–1856) — русский философ и литературный критик. Совместно с Хомяковым основал движение славянофилов.

⁵ Юрий Федорович Самарин (1819–1876) — один из ведущих мыслителей славянофилов, активный сторонник реформы 1861 года по отмене крепостного права. С ранней молодости был близким другом другого славянофила, К. С. Аксакова. Самарин горячо восхищался Гегелем и Хомяковым; см.: [Цимбарева 1996: 3–22].

⁶ Степан Петрович Шевырев (1806–1864) — русский литературный критик, литературовед и поэт, член Санкт-Петербургской академии наук (1847), член Общества любомудров.

Главы этого движения в числе первых последовательно и системно сформулировали идеи, широко бытовавшие в то время в обществе. Их мировоззрение послужило идеологической основой для мыслителей следующих поколений, его влияние ощущалось на протяжении всего XIX века [Там же: 7].

К началу 1840-х годов славянофильские тенденции оформились в идеологически цельное движение, причем происходило это на фоне полемики с представителями других идеологий, прежде всего с западниками [Герцен 1947: 272–275].

Как уже отмечалось выше, Хомяков считался одной из ключевых фигур российского общества. В 1840-е годы он был глашатаем общественной, литературной и религиозной мысли. Бердяев пишет о нем:

...то был самый сильный, многосторонний, активный, диалектически наиболее вооруженный человек школы. У Хомякова можно найти и славянофильское богословие, и славянофильскую философию, и историю, и филологию, и публицистику [Бердяев 1912: 24–25].

Теория Хомякова включает в себя основные положения, определяющие, по его мнению, русскую национальную идентичность с ее уникальными характеристиками. Хомяков переосмыслил понятие русской национальной идентичности, заложив основы представления о русской душе⁷. Он писал:

Поняли ли мы или хоть догадались, что такое народ — единственный и постоянный деятель истории? Догадались ли мы, что каждый народ представляет такое же живое лицо,

⁷ Понятие «русская душа» используется в литературе и философии для описания русской духовности. Термин и понятие возникли в 1840-е годы с распространением в России литературы немецкого романтизма, опять же под влиянием Гегеля и Шеллинга. Гегель сформулировал концепцию коллективной национальной души. Шеллинг ввел понятие «мировая душа», имея в виду под этим потенциальную творческую связь между человеческим и божественным. На идеях Гегеля и Шеллинга строились идеологии славянофилов и западников: те и другие проповедовали неприкрытый новый национализм. Славянофилы опирались на понятие «национальный дух» Гегеля и на его основе сформулировали понятие «русский дух», воплощенный в крестьянстве. Их представления о русской душе выражали стремление отыскать причины величия России в допетровском прошлом.

как и каждый человек, и что внутренняя жизнь его есть не что иное, как развитие какого-нибудь нравственного или умственного начала, которое определяет судьбу государств, возвышая и укрепляя их присущей в ней истиною или убивая присущей в ней ложью? [Левандовский 1990: 167]

Хомяков считал, что у каждого народа есть свое лицо и собственная судьба, и своей главной задачей видел выявление уникальности русского народа. Согласно его подходу, любой народ должен определить для себя свою конечную цель и прикладывать необходимые усилия к ее достижению. По мнению Хомякова, цель русского народа была религиозно-этического характера. Путь к подлинному постижению своей цели русский народ сможет проложить в том случае, если, пользуясь выражением самого Хомякова, с его помощью осуществится «этическая революция», но этому должно предшествовать нравственное очищение, включающее в себя покаяние в грехах и упорное самообразование [Хомяков 1955: 320; Федотов 1991].

Хомяков являлся значимой фигурой в социокультурных кругах своего времени. Его влияние на русскую интеллигенцию оставалось достаточно сильным и позднее. Он призывал просвещенных русских интеллигентов активно участвовать в жизни низших классов, способствовать их образованию. Следует отметить и его влияние на тех, кто не соглашался с его идеологией и вынужден был ему оппонировать, например на А. И. Герцена⁸, идеологического соперника Хомякова, который, однако, восхищался его миропониманием и личными талантами. Хомяков с самого начала определял суть движения славянофилов и в значительной степени заложил курс его развития. В своем программном манифесте славянофилы призывали к бунту против западной культуры и одновременно высказывали благоговение перед подлинной русской культурой [Герцен 1947: 271].

Славянофилы утверждали, что их древние, исконно русские корни следует искать в доктрине православия, каковое они

⁸ Александр Иванович Герцен (1812–1870) — русский писатель и мыслитель, известный как «отец русского социализма». Герцен был одним из ведущих представителей идеологии западников.

считали символом русского духа, воплощенного в русском народе. Русский народ являлся для них оплотом единства всех составных частей христианства, будущим духовным лидером человечества, конечной целью которого является создание всемирного братства народов на земле. Они верили, что благодаря эзотерическому духовному единению монархии и исконного русского народа (иными словами, простых людей) Россия является уникально единым миром, кардинально отличающимся от Запада.

1.6. Славянофилы, Петр I и православная церковь

К середине XIX века полемика об уникальности русского народа охватила все сферы общественной мысли. Диспуты велись в самых разных направлениях, но основной оставалась тема «Противопоставление России западной культуре». Оформились два существенных направления: сторонники одного (славянофилы) провозглашали превосходство России над Западом, сторонники другого (западники) считали Россию слабее Запада.

В поисках истоков уникальности России в сравнении с Европой славянофилы обращались к допетровским временам: по их мнению, до петровских нововведений еще существовал подлинный, исконный старорусский уклад. Кроме того, славянофилы апеллировали к традициям простого русского народа, который — по их представлениям — сохранил быт и обычаи древности. У них сложилась своего рода гипотетически утопическая идеалистическая картина допетровской России: они изображали прошлое допетровской эпохи как религиозно-мистический период, исполненный святости, время, когда связи между русским народом и его Богом оставались непосредственными и незамутненными. Согласно их идеологии (у которой не было ни малейших шансов осуществиться на практике), российский народ рано или поздно снова укроется под крылом Православия и вернется к чистым национальным истокам. Эти утопические представления во многом основывались на мессианской доктрине, которая была широко распространена в XV и XVI веках. Согласно этой доктрине, у православной Руси была своя особая миссия стать новым

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru